

Борис Голлер. Возвращение в Михайловское: Роман. СПб.: Алетейя, 2017. — 888 с.

Дерзновенный замысел: реконструировать внутренний мир самого Александра Пушкина, процесс рождения его поэтических творений и влияние на этот процесс внешней, событийной стороны жизни был воплощен в двух первых книгах цикла романов «Возвращение в Михайловское». И воплощен удачно! Масштаб личности героя романа соответствовал пушкинскому наследию. Октябрем 1825 года повествование прерывалось. Продолжение последовало, книги третья и четвертая. Тот же язык, «воздушный», чистый, классический, лишенный насильственных архаизмов. Общеизвестная канва внешней жизни поэта в Михайловском, знакомые лица: обитатели Тригорского, Михайловского, редкие гости. И те, с кем поэт состоял в переписке, к кому обращался в мыслях. Борис Голлер, автор цикла драм, героями которых были братья Бестужевы, Лермонтов, Грибоедов, с 70-х годов прошлого века «погружен» в быт и нравы начала XIX века. Отсюда — достоверность деталей уклада жизни, тонкостей общения и — потока сознания поэта. Мелочи обыденной жизни органично перетекают в образы, строки, строфы. «Какое чудо! Мороз и солнце, день чудесный!» — это когда Анна Вульф и Пушкин бежали вместе, взявшись за руки, на панихиду по Байрону. «Хозяйская сударушка», пассия Пушкина, красавица крестьянка Алена, замечает, глядя из окна: «Петька-то Онуфриев усадил в салазки жучку, а сам впрягся и бегаёт конем!» Знакомо же: «Вот бегаёт дворовый мальчик, / В салазки жучку посадив, / Себя в коня преобразив...» «В кибитках, бричках и в санях» направляются в тверское имение Вульф, которых из Тригорского до Пскова провожал Пушкин. И вновь, как и в двух первых книгах, Б. Голлер прослеживает по наброскам, черновикам, как рождались ставшие хрестоматийными строки. И как среди вспышек страстей, запутанных отношений, в окружении женщин, которым нравился он и которые нравились ему, он пытался расшифровать тайну женской любви: ведь иначе не написать судьбы — ни Татьяны, ни Ольги. А честолюбивая Анна Керн разве не та же Марина Мнишек? «Лишь бы власть». Главными темами третьей и четвертой книг являются восстание декабристов и расправа с его участниками, возвращение поэта в столицу, трудные контакты с новой властью. И когда 14 декабря Пушкин «лихо дописывал веселую поэму про легкомысленного графа Нулина и его шашни с замужней дамой и про пощечину, которую ему отпустила не самая невинная из женщин, — и когда он сам, Александр, потешался от души над незадачливым графом и попутными перипетиями своей собственной жизни, — всего в трехстах верстах от него, в Петербурге (куда ехал его Нулин, заметим!), происходило нечто могущее изменить мир и вдобавок его собственную жизнь». Короткие, перемежающиеся сценки: Пушкин в Михайловском, посмеивающийся над рукописью «Графа Нулина», своей пародией на шекспировскую поэму «Лукреция» («Что было бы, если бы Лукреция закатали пощечину Тарквинию?»); императорский дворец в Петербурге; квартира Рылеева; казармы; Сенатская площадь 14 декабря 1825 года. Выразительными штрихами рисует Б. Голлер портреты тех, кого назовут декабристами. У каждого — особый характер, темперамент, свои сомнения, свои надежды, чуть приоткрытая автором личная жизнь. И отсюда — их «странные» поступки, «странный» выбор действий. И снова, как в предыдущих книгах, автор делает дозволительные для романа вольные допущения, включает вставные

главы. Варианты национальной судьбы: естественная смерть Александра I или его побег и превращение в старца Федора Кузьмича? Казнь заговорщиков на берегу Кронверкской протоки глазами Дельвига, наблюдавшего и за палачами, и казнимыми. А в Михайловском и Тригорском живут слухами, их больше, чем официальных сообщений. Тревога за друзей, знакомых, близких. Внутренние диалоги поэта с ними, воспоминания о беседах в Кишиневе, Каменке, Петербурге. Тягостные предчувствия: ведь Пушкин был в связи и состоял в переписке с большей частью нынешних заговорщиков! И понятнее становится путь Ленского к смерти. На Ленского походили и Кюхля, и Дельвиг... «Ну и набралось же их, Ленских, на площади». И расшифровки в авторском тексте. Канун 14 декабря: «А в прихожей квартиры Рылеева все тоже пытались говорить какие-то возвышенные слова. Чуть ли не для потомства». И Каховский, которого на подвиг звала несчастная любовь, застрелил полковника Стюрлера «не потому, что был так кровожаден, нет! Просто стремился жить на уровне героических текстов». Важными темами для Пушкина стали «государство», «власть». Тему власти он разрабатывал в пьесе «Борис Годунов», законченной 7 ноября 1825 года: уклонялся от дороги, проложенной Карамзиным, обращался к «Генриху IV» Шекспира, задавал себе вопросы. Нашел ответ: «сильна власть мнением народным». Позже, в поэме «Полтава», он впервые «вытащит» и тему государства, свой ответ либералам и консерваторам: «Он, Александр, защищает не царя. Государство! И трагедия людей 14 декабря в том, что, надеясь исправить законы России, они (будучи государственниками), посягнули на государство». В двух последних книгах будет и конец ссылки, и вожделенные Москва и Петербург, обаяние светской жизни и светских интриг, которых так не хватало там, в деревне, и увлечения. Круговерть друзей и знакомых, возлюбленных, новых и старых. И сложные отношения с властью, царем и Бенкендорфом. И возвращения в Михайловское, место, где среди лесов, и озер, и снегов, и временами крошечного одиночества шло созревание поэта. Провидческими стали слова Прасковьи Александровны Вульф, отказавшейся купить Михайловское: «Это „дом Пушкина“. Для России. И он останется таким!»

Наум Синдаловский. Время и место: Сборник стихов. СПб.: Арт-Экспресс, 2017. — 246 с.

Время и Место как символы Веры. Часть 1 — «Место». Естественно, у Наума Синдаловского, самого известного современного исследователя петербургского фольклора, автора десятков книг о мифах и легендах города на Неве, это Петербург. Его площади, где «над крыльями Главного штаба / Божественный скрип колесниц, / И Слава — капризная баба / Глядит из-под медных ресниц»; где на площади Восстания «бабы крестятся на крест. / Что еще остался в памяти»; проспекты, улицы, мосты, клон Венеции — Васильевский остров, античного мира подарок — триумфальные арки. Что ж, «нам античный наряд к лицу». Уже здесь поэт в полной мере осязает время. Он погружается во времена, когда «неизвестные человеки / Прочертили дорогу в греки / и замкнули античный круг» и на пути из варяг в греки вырос классический Петербург. Его завораживает магия топонимики, будь то молчание финской топонимики на Карельском перешейке или «от Охты до Коломяг, / В каждом почти что имени / Дыхание финских саг». Он ищет родовые гены современных петербуржцев у насельников страны Гипербореи на краю Ойкумены, у витебского да псковского питерского народа. «И кто из нас аборигены, / А кто пришельцы не понять». На Марсовом поле для поэта звучат «парадная поступь гвардейского строя, / И цокот размеренный конских копыт»; «Многорукий и столичный, / Нереальный и земной / Облик рыночной

столицы / Проступает на Сенной». Город Синдаловского населяют тени и призраки былого: писатели, поэты, зодчие, императоры. «В полутьме Михайловского замка / Бродит тень помешанного Павла»; на Аничковом мосту — тень барона Клодта, у Елагина моста — призрак Калиостро. На Литейном проступают следы Бродского, на Офицерской — Блока. Тени — везде: статуи Венеры в Летнем саду, в Шереметевском саду — божественной Прасковьи, у кронверкских берегов — пяти повешенных. Для поэта связь прошлого и настоящего неразрывна. В том числе и такая: «и грохот победного грома / Не мог заглушить пока / Кошмары Большого дома / И ужасы ВэЧеКа. / ...Пока не исчезнет память, / Пока у нее в плену, / Мы будем падать и падать / В собственную вину»; «Останки порушенных храмов / Преследуют страхом ночным. / Не ведают мертвые сраму / И срам достается живым. / Наследники собственных предков / Мы делим судьбу пополам. / Себе выставляем отметки / По их стародавним делам». Время, время, что «фатально / И необратимо. / Вечная тайна, / Скользящая мимо», — главный «герой» второй части сборника «Время: Вчера. Сегодня. Завтра». И снова: герои старинных мифов, ветхозаветных сюжетов, тени великих как «соавторы наших дней». Временное пространство едино: «И прошлое и будущее в нас / Ни днем, ни ночью не дают покоя, / А то, что здесь, сегодня и сейчас / Пронесится стремительной рекою. / Мы помним прошлое и будущее зрим. / Затем, чтоб удержаться в настоящем». Но время у Синдаловского — это и ритм, заданный сменой времен года, постоянство круговорота, когда уже «в осеннем ритуале смерти / Проступает торжество весны». Для каждого времени года, каждого месяца у поэта есть особые краски, каждый месяц имеет свой выразительный, полный аллюзий портрет. Например: «Пришел простуженный февраль / В своей заснеженной одежде, / В снега закутанный, как в шаль, / И неуживчивый, как прежде. / Февраль, метельный скандалист... И веришь в то, что в феврале / Поэтам надобны чернила». Синдаловский — поэт с обостренным чувством природы, центральное место в этом ряду занимают деревья, конкретные: клены, березы, сосны, дубы-исполины, что «грозами биты и солнцем палимы, / Одетые в зелень библейской поры». И ели. «Вечнозеленые старые ели. / Ваши наряды вам не надоели? / Вон, посмотрите на дерево рядом, / Что не сезон, то другие наряды. / То на плечах изумрудная зелень, / То обнажится, как сказочный эллин, / То окунется в багровое пламя, / Будто на нем не одежда, а знамя, / То, не смущаясь возможным позором, / Дразнит и манит, играя подолом». И в этой «привязанности» к деревьям есть определенная авторская философия: зависимость настоящего и будущего от исторических корней своего жизненного пространства. «Наши корни держатся за землю, / Чтоб стволы держали небеса». В сборник вошли стихи последнего десятилетия. Юношеские опыты, «самиздат», остались в единственном экземпляре. А потом автор погрузился в захватывающий бездонный мир петербургского фольклора. Для стихов времени не хватало, но уйти от них оказалось не так-то просто. «Стихи приходят ниоткуда, / И новость как, когда и где... / Стихи врываются как ветер, / Как заклинанье, как мольба». Синдаловский стал включать вписывавшиеся в контекст повествования стихи в очерки, регулярно публикующиеся в журнале «Нева». Подборка стихов была опубликована в этом журнале в 2016 году. Вскоре опыт включения стихов в прозаические тексты он распространил на книги. Стихи последнего десятилетия — это стихи зрелого человека со сложившейся философской системой. Место ли, время, но центральной остается тема предназначения человека, смысла человеческой жизни, роли в ней веры и памяти. На вопрос: «Чем же оправдано наше призванье, / Бег поколений и лет череда?» — ответ у Синдаловского есть. «Генетический код / При рожденье орущих / Еще не дает / Никаких преимуществ. / ...И только потом / Он поймет наудачу, / Зачем он рожден / И к чему предназначен. / Не смерд

и не гранд / Не хозяин природы — / Всего лишь гарант / Продолжения рода». «И не развеюсь ветром, / И не сойду на нет, / А стану далеким предком / Для тех, кто идет вослед».

Игорь Саврасов. Мальтийское эхо: Роман. СПб.: Союз писателей Петербурга, 2018. — 420 с.

Поиски старинных артефактов, приключения, легенды, тайны, мистика, погружение в историю, богатое культурное пространство. Отправная точка: библейская легенда о кораблекрушении святого Павла у берегов Мальты и о змее, которая хотела его укусить. Впрочем, все достаточно реалистично, XXI век на дворе. Историк Андрей Петрович, доцент Екатеринбургского университета, приезжает по просьбе недавно умершего учителя в его родовое «гнездо», в усадьбу в Ленинградской области, где ныне краеведческий музей. Ему предстоит познакомиться с последними научными записками профессора Богдановича, в которых тот увязывает библейскую легенду об апостоле Павле и змее с тайной падения Византии: по мнению ученого, именно змея, сброшенная с руки святого Павла, сыграла роковую роль в завоевании Византии турками в 1453 году. Кроме того, в семье Богдановичей, ныне служащих в музее, хранится часть древнего Пергамента с сакральным, мистическим смыслом, также связанная с апостолом Павлом. А почему и нет? Предок профессора, моряк во времена императора Павла I, был с флотилией Ушакова в Средиземноморье. В свое время будет и объяснение, как ценный документ из архивов Мальтийского ордена попал к нему и почему не был передан по назначению. Андрею Петровичу и двум племянницам профессора предстоит найти другую часть Пергамента, а еще укладку-шкатулку, Укладку Сатаны, в которой когда-то хранились камешки, превращающиеся в змею, и разобратся в сложных перипетиях многовековой истории артефактов. Герои романа идут по следам апостола, отправляются на Мальту и в Сиракузы, работают в архивах Мальтийского ордена, проникают в катакомбы святого Павла в Рабате, в катакомбы в Сиракузах, преодолевают опасности, совершают авантюрные поступки. У них есть враги и покровители, они быстро заводят новых друзей-помощников. Помогают им и личные способности: Андрей умеет видеть сокрытое, одна из племянниц, Вера, умеет расшифровывать знаки, строить невероятные по объему и глубине информационные и логические матрицы. Приключения приключениями, но большое достоинство этой книги — внушительный культурный пласт. Любовно, детально, без свойственной путеводителям сухости передает Игорь Саврасов очарование архитектуры городов и городков Мальты и Сицилии, свежо выглядят улицы и площади Петербурга, заповедные уголки Павловска, забытым умиротворением окутана классическая русская усадьба в стиле Палладио, которую заботливо восстанавливают потомки старинного рода. В широком культурном пространстве пребывают герои, органично используя в своей речи цитаты из русских и зарубежных классиков. Не единожды автор делает поклон Булгакову. Собственно, с него и начинается книга: «Тьма, накрывшая Средиземное море, ветер и волны, взбесившиеся вдруг, опрокинули корабль, на котором Савл должен был следовать в Рим. Кто-то крикнул (Савлу показалось, что это был Лука): „Мальта близко и, если лечь грудью на осколок мачты, можно продержаться до берега“». Это отрывок из повести об апостоле Павле, которую когда-то писал Андрей. Есть и другой поклон: «В красном плаще с нашитым на груди белым крестом рыцарей-госпитальеров, в белых шелковых полчулках с черными подвязками под коленями, в коричневых туфлях, держа в руках меч, ранним утром 14 февраля 1560 года вдоль Большой гавани прогуливался сорок девятый великий магистр

Ордена рыцарей Св. Иоанна Жан Паризо де ля Валет». Параллельно с основной, современной линией сюжета развиваются и другие. История ордена рыцарей-иоаннитов; мальтийский период в его истории — строительство будущей Валетты, Великая осада Мальты флотом Сулеймана; упадок ордена на рубеже XVIII—XIX веков, когда он без боя сдал Мальту Наполеону, а Великим магистром стал российский император Павел I. Естественно, что события именно XVI века и конца XVIII — начала XIX века тесно увязаны с «приключениями» Пергамента и Укладки. Есть и еще одна значимая тема: история гибели Византии, тема, которую разрабатывал профессор Богданович, искавший причины образования теологической пропасти между католической и православной церквями, причины великих разломов. Исход благополучный: обе части Пергамента и Укладка, найденная в весьма неожиданном месте, переданы Святому Престолу в Риме и ордену, вырученные деньги позволяют сохранить родовое имение и создать на ее базе фамильное командорство Мальтийского ордена. Решение, согласно нашему времени, весьма прагматично. Такой шаг продиктован и невнятной профессиональной принадлежностью героев: кто-то позиционирует себя как католик, кто-то как протестант, кто-то как эзотерик, что не мешает им посещать православные церкви и молиться в них. А в целом роман И. Саврасова — достойное сочетание увлекательного и полезного.

Эльдар Рязанов. Встречи и беседы. Интервью, статьи, университетские тексты. СПб.: СПбГУП, 2017. — 584 с.: ил.

Он ворвался в отечественный кинематограф в 1956 году удивительно светлым фильмом — «Карнавальная ночь», в период «оттепели» воспринятым как прорыв к свободе. Создал несколько десятков фильмов, многие из которых стали культовыми. Его фильмы и сегодня с нами. Почему так востребованы фильмы Эльдара Рязанова? Потому, что «в его фильмах — такая важная сегодня полнота и многообразие человеческих чувств: от великого до смешного, от энергии заблуждения до радости узнавания близких душ в неожиданных встречах, необычайных обстоятельствах, где есть место и печали, и искрометному юмору», как пишет во вступительном слове ректор СПбГУП А. Запесоцкий? Или потому, что важнейшую миссию искусства режиссер видел в том, чтобы служить добру и справедливости? Доказывал своими фильмами и жизнью, что человек способен сохранить честность, личную честь и достоинство в недрах любой системы? Для него не существовало «маленьких людей». По его признанию, его любимые герои — «тихие, совестливые, интеллигентные, зачастую в материальном плане бедные люди, не потерявшие при этом чувство собственного достоинства». В сборник вошли многочисленные интервью 2000-х годов, в том числе из малотиражных изданий, статьи, представленные его женой, Э. Абайдуллиной, выступления Э. Рязанова в СПбГУП, с которым режиссера связывало многолетнее творческое сотрудничество. Э. Рязанов отвечает на вопросы, делится своими воспоминаниями. Рассказывает, как создавались его фильмы, какие препоны приходилось преодолевать. Историй, когда все висело на волоске, в его жизни было предостаточно. Не всегда благополучной была и прокатная судьба фильмов. Так, всеми любимую «Иронию судьбы» в период антиалкогольного закона Горбачева—Лигачева не хотели выпускать «из-за пропаганды пьянства», и три года лента находилась под запретом. «Фильмы, как дети, родители их любят, даже когда знает: этот хромает, тот шепелявит, тот горбат. Я их снимал с полной отдачей», — говорил Э. Рязанов. И часто возвращался к фильму, не понятому зрителем, к фантазии на тему жизни и творчества великого датского сказочника. Режиссер рассказывает об отечественных, любимым

нами актерах, с которыми он работал, и о тех мастерах французской культуры, с которыми встречался, когда вел телепрограмму «Парижские тайны». Лишенный, как он утверждал, слуха, Рязанов создавал замечательные музыкальные фильмы, его друзьями и соратниками были М. Таривердиев и А. Петров. Одной из граней его творческой личности являлась поэзия. И когда он писал стихи для своих фильмов, он, дабы не ставить товарищей в неловкое положение, выдавал свое творчество за произведения других поэтов. Песню «У природы нет плохой погоды» приписал У. Блейку, песню в «Вокзале для двоих» — Д. Самойлову, романс в «Жестоком романе» — Ю. Морниц. Биография кинорежиссера — в первую очередь его фильмы. Но в сборник включены и отрывки из книги «Неподведенные итоги»: детство; поступление — случайное — во ВГИК; воспоминания об однокашниках и учителях: Л. Кулешове, Г. Козинцеве, С. Эйзенштейне; работа в кинохронике в 50-е годы. Талантливый рассказчик, наделенный даром слова и юмором, он ярко, точно и афористично выражал свои мысли. Его удручало то, что наше кино стало малочисленным и вследствие этого ничтожным; что вместе с распадом СССР многие кинематографисты лишились чувства такта, вкуса, чувства того, что пошло и неэстетично. И тем, что на смену идеологическим препонам и коммунистическим догмам, с которыми вынужденно приходилось считаться, пришли финансовые «рогатки», которые иногда преодолеть труднее, чем идеологические. Он мало снимал в последнее время: ему унижительно и противно было кланяться деньгами на свои фильмы. Его тревожила судьба «Ленфильма» в период уродливого капитализма, «в то время как во время войны „Ленфильм“, как и Эрмитаж, и Русский музей сохранили как одно из национальных достоинств. Даже тот социализм, что был у нас, превосходит наш хромым, но безудержно хищный капитализм. Есть вещи, которые не должны приносить денежную прибыль. Потому что они приносят другую прибыль — не материальную, а духовную. Ее никакими деньгами измерить нельзя». Тревожило и «цунами невежества», захлестнувшее в первую очередь молодежь, которая, не зная истории и ничего не читая, имеет один идеал — накопление денег. Свою роль в трагическом движении вниз образования и культуры в современной России сыграло, по его мнению, и второстепенное западное кино, фильмы, купленные по дешевке, оптом. «В чем вообще смысл и ужас нашего поколения — что в кино ходят люди от тринадцати до двадцати трех лет. Так сказать, „несут кассу“. Поэтому им надо угодить. А эта возрастная группа воспитывалась... на других фильмах, в которых какой-нибудь американец дает другому затрещину, от которой тот должен отходить в реанимации месяцев восемь. Тот в ответ отвешивает ему еще более хлесткую затрещину — бьет в промежность так, что у него никогда детей не будет. Они привыкли — они хотят это видеть. А лично мне неинтересны потоки клюквенного сока на экране, имитирующие кровь, взрывы...» Возможна ли реанимация кинематографа? Да, считал мастер, но только с появлением экономической стабильности, с реанимацией всей страны.

Ольга Елисеева. Граница России — Черное море. Геополитические проекты Григория Потемкина. М.: Эксмо, Яуза, 2018. — 384 с.

Ольга Елисеева, историк, знаток XVIII века, обращается к материалам, до сих пор практически не исследованным: к запискам Г. Потемкина «О Крыме», «О Польше», «О Швеции». В них сосредоточены идеи, ставшие ведущими во внешней политике второй половины екатерининского царствования и в конечном счете заложившие основы для всей дальнейшей геополитики Российской империи в данных регионах. Записки Потемкина касались трех важнейших направлений русской внешней политики

того времени: турецкого, польского, шведского. Тайная записка Потемкина «О Крыме» дополняла, а возможно являлась и альтернативой другого, «Греческого проекта». «Греческий проект», официально так никогда и не оформленный в виде отдельного документа, нацеливал страну на решение грандиозной задачи полного изгнания турок из Европы силами двух союзных государств, России и Австрии, с возможным привлечением Франции и Англии и раздела владений Оттоманской Порты между этими государствами. Он предусматривал и восстановление Византийской империи, корона которой предназначалась внуку Екатерины II великому князю Константину Павловичу. Проект «Крымский» предлагал присоединение полуострова к империи и уничтожение ханства силами одной России. По мнению Потемкина, «Греческий проект» мог осуществиться только при объединении усилий нескольких европейских стран, по его же твердому убеждению, свои собственные действия России следовало соразмерять «по силам нашим» и решать свои насущные задачи. Успешно реализован был именно «Крымский проект»: уничтожено Крымское ханство, вековой враг России; покончено с набегами крымских татар, уводивших громадные полоны пленных на средиземноморские рынки Оттоманской Порты. Южной границей России, как и хотел Потемкин, стало Черное море, что исключало заходы Турции в южное подбрюшье русских земель. Потемкин предложил и новое оригинальное решение: не изгнание татар из Крыма, а присоединение полуострова вместе с населением к России; так развивать хозяйство края, чтобы оно могло прокормить его жителей и не требовало бы ежегодных походов за пленниками в соседние страны ради «хлеба насущного». Впервые в проекте Потемкина были разработаны и основы переселенческой политики на присоединенных территориях, не ущемляющие коренное население и приносящие выгоду России. Проекты Потемкина «О Польше» — важный, до сих пор не востребованный историками комплекс документов, без которого невозможно понять побудительные причины разделов Польши. Эти проекты показывают, что альтернатива разделам Польши существовала («Хорошо, если бы ее не делили»). Прежде всего, в виде унии между двумя государствами, среди сторонников этого были и определенные круги русского и польского дворянства, и сам Потемкин. Проект не реализовали из-за жесткого сопротивления Пруссии. «Врагом пострашнее Фридриха Прусского» становилась Швеция. Шведские проекты Потемкина возникли в ходе русско-шведской войны 1788—1790 годов, фиксировали мгновенные реакции князя на быстро меняющуюся политическую обстановку и не являлись детально продуманными планами, рассчитанными на долгосрочную перспективу. В 1791 году был заключен мирный договор. Сработала дипломатия: совершенно серьезно Потемкин изложил шведскому дипломату фантастический проект о переселении жителей Финляндии за Петербург и превращении края в пустыню. О. Елисеева детально анализирует содержание основных проектов светлейшего князя, притом из всех проектов Г. А. Потемкина в настоящее время издан только один. Она показывает преемственность воззрений Потемкина и его сторонников: еще в 30-х — начале 40-х годов XVIII века канцлер А. Остерман считал, что империи следует держаться своих собственных, «особенных» интересов, не подпадая под влияние какого-либо иностранного двора. Для Потемкина превыше всего оставались конкретные интересы России, ее безопасности, только ради них имели смысл союзы и дипломатические игры. Как всегда, повествование О. Елисейевой очень живо: событийный ряд, реальная политика, борьба идей, борьба людей — в дипломатии, в кулуарах. Схватки двух партий: так называемых «русской», к которой принадлежал Потемкин, и «прусской» во главе с вице-канцлером Н. Паниным. Межличностные взаимоотношения русских вельмож, правителей европейских стран. О. Елисеева рассказывает, как и почему вопреки всем ожиданиям даже после

окончания фавора 1774—1776 годов Потемкин не покинул, подобно другим случайным, большой политики и фактически в последующие пятнадцать лет управлял Россией. Впервые дан обобщающий обзор посвященной Г. Потемкину-геополитику историографии. Палитра взглядов на внешнеполитическую деятельность светлейшего — его современников, историков российских и зарубежных — от конца XVIII века до наших дней. Оценки от негативных до положительных. Уникальным автор считает то, что многие идеи князя восприняли государственные деятели, враждебно относившиеся к Потемкину, к его партии, друг к другу. А то, что без реализации идей Потемкина не могли обойтись политики столь разной ориентации, доказывает объективную потребность империи в выдвинутых светлейшим князем проектах.

Елена Травина, Светлана Лешко. Архитекторы Карельского перешейка.

Книга первая: от Солнечного до Молодежного (от Оллила до Метсякюля) 1880—1939. Биографический справочник. СПб.: ООО «Издательский центр „Остров“», 2016. — 206 с.: ил.

Причудливые, фантазийные постройки Карельского перешейка поражают воображение: сложные объемы, обильная резьба, башни и башенки, застекленные фонари. И это при том, что утрачено огромное количество первоклассных в архитектурном отношении дач. Много в ходе Второй мировой войны, но не только. Конечно, недолговечен сам материал, использовавшийся при постройке «теремов», «замков», «хижин». Но свою роль сыграло и небрежение. В 1960-х годах в Солнечном (Оллиле) сгорела бывшая дача архитектора К. Денисова (в советское время дом отдыха «Солнечная горка»). Осталась только лестница, ведущая вверх от Приморского шоссе. В 1993 году в Молодежном (Метсякюля) сгорел корпус дома отдыха «Чародейка» — объект культурного наследия регионального значения народов РФ, дача купца второй гильдии М. Воронина. В Зеленогорске (Терийоках) после закрытия детского санатория «Ласточка» в пожаре погибла бывшая дача академика архитектуры В. Шауба, один из корпусов санатория. С начала 90-х годов хозяева-ведомства, не имея средств для содержания своих владений, бросают дачные постройки на произвол судьбы. Не способствует сохранности того, что уцелело, и зыбкость имущественно-правового статуса. Обидно, что даже сохранившееся находится сегодня на грани исчезновения, и это невзирая на то, что является объектом культурного наследия народов РФ или входит в Реестр объектов культурного наследия регионального значения народов РФ. В аварийном состоянии бывшая дача архитектора В. Гарбещетеля в Комарово (Келломяки). Разрушается дача Мюзеров, единственная из пяти принадлежавших семье дач, уцелевшая в Терийоках. Освоение северного берега Финского залива шло в начале XX века. Дачная зона вытянулась вдоль Выборгского и Приморского шоссе, Финляндской железной дороги Петербург—Рихимяки и Приморской железной дороги на Сестрорецк. Сформировалась группа так называемых морских деревень: Оллила (Солнечное), Куоккала (Репино), Терийоки (Зеленогорск). В тот же период образовались поселки Келломяки (Комарово), Тарховка, Александровская. Сестрорецкий курорт. Русская Финляндия превратилась в популярнейшее место отдыха. На рубеже XIX—XX веков дачное строительство приобрело массовый характер, выпускались каталоги проектов дачных построек. Но дачная архитектура оставалась почти всегда уникальной, созданной по творческой воле архитектора с тонким учетом специфики места и заказа. Собственные дачи имели и сами архитекторы. Дачному пейзажу Русской Финляндии посвящена обзорная статья Светланы Лешко. Своеобразие этого пейзажа заключалось в том, что в нем тесно переплелись взаимные влияния разных

художественных школ Северной Европы, народные национальные традиции Финляндии и России, Русского Севера. Архитектурно-стилистический диапазон — от западноевропейского историзма и интернационального модерна, от неоромантизма северобалтийских стран до традиционных средне- и северорусских форм и декора по мотивам древнерусского зодчества. Стилиевые черты нередко комбинировались, но самыми впечатляющими становились постройки в стиле северного модерна, которому отдавали предпочтение петербуржцы: архитекторы, интеллигенция, представители делового мира столицы. Книга содержит биографические сведения о семидесяти шести петербургских, финских и эстонских архитекторах, чьими трудами и талантом были в основном застроены знаменитые дачные поселки Финского побережья Карельского перешейка в конце XIX — начале XX века. В биографический справочник архитекторов, подготовленный Еленой Травиной, вошли имена тех, о ком достоверно известно, что по их проектам были построены общественные здания или частные дачи на северном побережье Финского залива. За сухими строками справочника прочитывается многое: неизвестные страницы жизни архитекторов знаменитых и не очень; их вклад в создание образа Петербурга начала XX века — а строили они в столице доходные дома, особняки, культовые здания, промышленные корпуса, школы; родственные связи архитекторов, их судьбы. Подобное издание выходит впервые. И впервые привлечены материалы из государственных и частных архивов и библиотек Санкт-Петербурга и Финляндии, из приходских книг. Данные о сохранности дач приведены на 2015 год. Много иллюстраций: фотографий архивных и современных, благодаря чему «заговорили» безымянные, порой ущербные дома-жемчужинки. Наше наследие, которое нуждается в нашей защите, и то, что утеряно безвозвратно.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)